

Могу считать себя телевизионным безработным

Культура. — 2005. — 1-7 сент. — 26

“Куда девалась “Оркестровая яма”? — однажды забеспокоились читатели газеты “Культура”. С этим вопросом мы обратились к самому Артему ВАРГАФТИКУ, ведущему этого телевизионного ток-шоу, дважды лауреату премии “ТЭФИ” (чем он знаменит в кругах телевизионных), а также виолончелисту, педагогу, музыкальному критику, автору радиальных программ (во всех этих профессиональных ипостасях он известен в мире музыки).

— Все на свете рано или поздно заканчивается, закончилась и программа “Оркестровая яма”. В эфире ее нет уже с апреля, а совсем недавно о закрытии проекта официально уведомил нашего продюсера Олега Бабицкого телеканал “Культура”. К моему удивлению, среди причин не был упомянут “низкий рейтинг” — то есть то, что можно сказать всегда и всем, чтобы не продолжать любой телевизионный разговор. О реальных мотивах этого решения я — как всегда — могу лишь догадываться. Или не догадываться.

— Ваши отношения с “Культурой” всегда осуществлялись через продюсера?

— Да. С Бабицким и возглавляемым им Центром телевизионного искусства я работаю давно — кроме ныне покойной “Оркестровой ямы” и программы “Партитуры не горят”, он также делает еще несколько программ для “Культуры” — “Магию кино”, “Тем временем”... Я никогда не служил на канале, я просто делал по его заказу программы. С точки зрения любого руководства, такой человек, как я, — это некий технический исполнитель, который реализует предначертания, идеи и указания. Иногда ясное, подчас довольно туманное... Сейчас я вполне могу считать себя телевизионным безработным: у меня остался только маленький заказ на шесть выпусков программы “Партитуры не горят” до конца года — и это пока все. “Партитуры” тоже сгорают. Впрочем, программа почти всегда существовала как этаким “мнимым больным” на смертном одре: клинические смерти следовали одна за другой, но после каждой “больной” вдруг неожиданно... раз — и оклемаются, да и побегут, вроде все в порядке, а потом раз — и опять на одре. На данный момент это не то пятая, не то шестая попытка оклемаются. Видимо, последняя.

— Вы знаете, даже на страницах нашей газеты мы пытались обсудить этот вопрос: а как долго может жить ток-шоу, посвященное культуре? Существует некий круг вечных тем и вопросов, которые мы задаем современной культурной ситуации, но она меняется гораздо медленнее, нежели, допустим, политика... Не в этом ли причина “ухода” “Оркестровой ямы”?

— Если дело происходило бы не в некоей западной колбе, а в сосуде, который хоть куда-то открыт, то все бы обстояло по-иному. Если бы наши разговоры и дискуссии, связанная с музыкой, хоть как-то влияли на дей-

А. Варгафтик

ствительность, то шоу не ушло бы так тихо и незаметно, оно могло и должно было быть бесконечным. Но, увы... Я неоднократно рассказывал, какие вопросы, по частоте их упоминания, возникали в моих разговорах с деятелями музыкального мира — не только в “Оркестровой яме”. Список не очень оригинальный, но могу еще раз напомнить вершущку этого смешного “рейтинга”: вот первые три позиции по их популярности. 1. Государство должно давать как можно больше денег на классическую музыку. 2. Ее необходимо срочно и по полной программе пропагандировать на государственном уровне. 3. Нужен прежде всего большой, сильный и яркий талант, который придет и решит все проблемы. И люди действительно думают, говоря все это, что данный набор слов хоть как-то объясняет реальность, или уверены, что что-то предлагают. Вот что самое печальное. Если эта вершущка списка и принимается за круг “вечных вопросов”, то его, конечно, можно быстро исчерпать. То есть замкнуть.

— Вы неоднократно отрицательно высказывались насчет пункта № 2, более того, говорят, что постоянно открещиваетесь от звания “популяризатор классической музыки”, хотя многие искренне делают вам подобный комплимент.

— Как говорится, хоть горшком на-

зовите, только не ставьте в печку. Но на самом деле за подобным комплиментом, полагаю, действительно искренним, скрывается глубоко ошибочный подход к делу. Причем эта ошибочность уже, что называется, крепко-накрепко забетонирована в мозгах моих коллег и уважаемых телезрителей. Любое мое слово все равно будет восприниматься как попытка популяризировать классическую музыку. Это убеждение существует не только у коллег, но и на “противоположном конце провода”. Люди, которые по каким-то своим внутренним причинам упорно смотрят канал “Культура”, столь же упорно продолжают считать, что среди них ведется пропаганда. Или, более мягко выражаясь, проводится разъяснительная работа на тему: надо обязательно любить классическую музыку. И примеряют на меня роль пропагандиста — иногда с большим озлоблением. Оскорбленные в своих лучших чувствах, они пишут письма на канал “Культура”. Некие восторженные учительницы музыки сообщают руководству канала: “Ваш ведущий Варгафтик неправильно назвал композитора Чайковского — просто Петром, без Ильича”. Это же невозможно, у нас генералы только с отчествами! “Кто он такой! Что он себе позволяет, ведь его могут услышать дети!”... — но это бы ладно. Пишут большие, пафосные де-

ятели культуры. Жанр доноса был в свое время очень популярен в их среде, поэтому у многих из них поневоле получается не мнение, а донос. Слава богу, мне никогда не доводилось таких текстов читать самому, но в силу того, что в музыкальном мире все достаточно, если не прозрачно, то просто протекает, эта “вода” и капает время от времени. Все претензии укладываются именно в эту схему: неправильно ведется пропаганда классической музыки. Она и в “Яме” велась принципиально “неправильно” — я всеми силами старался увести моих собеседников от благостного трепана тему “как все должно быть” в сторону разговора о том, что на самом деле есть. А они того, что есть, порой в упор не видят. Один раз я даже выслушал по этому поводу воспитательную в своей страшной красоте, невероятно длинную и агрессивную нотацию от профессора Веры Горностаевой: с перерывами ее речь продолжалась один час десять минут, прямо при записи “Ямы”. Часть даже пошла в эфир. Но проблема не в речах: люди принципиально не готовы воспринимать телевизионную журналистскую работу именно как журналистскую. Они хотят пропаганды и либо уже забыли, либо не хотят знать, что бывает по-другому...

— А есть еще такой жанр: “встреча с прекрасным”...

— Да нет, не просто обеспечьте нам встречу с прекрасным! Необходимо, чтобы прекрасное насаждалось. Было назидательным, как пионеры-герои. И этого хочет именно зритель, а не начальство, вот что обидно. Как говорили в старину, “хочется лишь верить, что не все зрители таковы”...

— Но ведь у нас полно желтых или, наоборот, вполне respectable изданий, по-моему, история любви Жорж Санд к одному известному композитору украсила почти все...

— Самую неожиданную для меня реакцию в истории программы “Партитуры не горят” вызвала именно передача, посвященная Шопену. Но не из-за Жорж Санд — она же Аврора Дюдеван, — она упоминалась там только для того, чтобы привести две ее цитаты, ведь мадам Санд оставила довольно много забавных подробностей о том, как Шопен сочинял — естественно, она это наблюдала. Некий “важный зритель”, как мне рассказывали, страшно обиделся на пересказанный мною документальный сюжет. Я своими ушами слышал — в первом амфитеатре Большого зала консерватории, я там обобщено сижу на ступеньках, — как на концерте Кисина одна трогательная бабушка (я сказал “дама мемуарного возраста”) во время исполнения шопеновской мазурки на бис вдруг выдохнула: “Ах, дорогой Шопен...” По-моему, это очень характерно. Тем более что есть принципиальная разница в культурном уровне наших соотечественников: одни его называют — ШопЭн, а другие ШопЕн. И я их понимаю, я очень ценю эту разницу!

Если уж переводить в разряд мемуаров все, что касается “Оркестровой ямы” — хотя кто его знает! — то одной из фатальных неудач этого проекта (причем с точки зрения любого начальства) было то обстоятельство, что в передаче ни разу не появились

так называемые “первые лица”. Ни Владимир Теодорович Спиваков, ни Юрий Абрамович Башмет, ни Мстислав Леопольдович Ростропович... По ранжирам, принятым у нас в стране, этими людьми сонм “первых” практически и ограничивается. Я мог бы назвать еще целый список людей, которые не являются “супертузами” с точки зрения телевизионного мира, но сами считают себя таковыми. Они говорили примерно следующее: “В программе будет этот, вот этот и еще этот? Нет! В программе буду только я — ну и вы...” — клиенты были готовы солировать 39 минут, а участвовать в разговоре с коллегами — что вы, как можно? Очень часто работа журналиста со звездой заключается в том, чтобы долго и мучительно искать новые вопросы к уже известным ответам. И четко знать, что других ответов не будет. При всем при этом мы ведь все прекрасно понимаем, что нигде, кроме телеканала “Культура”, публике ни Кисина, ни ШапЕна, ни ШопЭна не покажут все равно. Никакая другая “больница” нас, с нашим странным отношением к себе и своим проблемам, не примет.

— Если начинать издавала, то вы знаете, что существует телевизионный цикл “Чтобы помнили”...

— Уже не существует.

— Но эта программа сделала свое дело. Существует интеллектуальный бестселлер “Писатель и самосудия”...

— Кажется, понимаю... Если на время оставить в покое обязательный позитив и гордость великим наследием, то сделать программу о психологии и природе творчества можно. Но очень сложно. Во всяком случае, телевизионную. По идее, где-то именно с этого места должна была начинаться “Оркестровая яма”. Без плян-ца, фразов и бабочек. Можно спросить любого профессионала — но аккуратно, так, чтоб он в ответ не начал сразу “прекрасное” воспевать, — “как все это работает”? Просто поговорить с дирижером, директором оркестра, причем не обязательно звездой, о том, что он действительно думает о музыкантах, а потом дать послушать эти все человеку стороннему... Наверное, сначала вы подумаете, что у дирижера нервная работа и ему надо разрядиться. На самом деле в этом будет много горькой правды про склад музыкантской души. Про такое странное сочетание невероятной (до самоудовольствия) честности и постоянного самообмана, инфантильности и невероятной житейской практичности интеллигентского толка. Они все время подсчитывают, где их обманули на 10 — 15 долларов суточных, где им недоплатили за переработку на записи, где они чего перешили и недобрали. И при этом они непоколебимо уверены в том, что они избранные, но нереализованные. Кто-то должен прийти и открыть их миру. Они действительно — очень глубоко в душе — ждут “принца на белом коне”, как девчонки-тинейджеры. Вам откроется целый комплекс иллюзий, причем он вполне поддается анализу и интерпретации. Именно этот комплекс управляет их миром, но никак не реальные обстоятельства. Страшно даже подумать, что же случится, если будут истреблены — или хотя бы поколеблены — эти пре-

красные иллюзии. Но если начинать разбираться, на чем держится сама “индустрия классической музыки”, то тут еще горше: можно довольно быстро понять, что “крепостное право” никто не отменял, оно по сию пору остается основой основ в отношениях работника и работодателя...

— Синдром западной колбы возникает как закономерное явление: носителю иллюзий болезненно любое столкновение с тем, что им противоречит, поэтому он реагирует усилением иллюзий?

— Кстати, именно поэтому мне так хотелось, чтобы в “Оркестровой яме” на мир музыкантов посмотрели бы люди чуждой стороны: актеры, например. Ведь чтобы судить о музыке, не нужно быть специалистом и потрясать консерваторским дипломом. Нужно просто замечать ее как отдельный факт своей жизни. Как, например, в норме мы отличаем человека от стены.

— Получается, что позиция “Мы вас научим правильно классическую музыку любить” как раз отпугивает “невовлеченных”?

— Самое интересное, что в той или иной степени в музыкальном процессе участвуют все. Мы часто слышим фразу “Это осталось в вечности, а это не осталось в вечности”. Давайте проанализируем: что осталось? Почему? Какие тут действуют законы, на какие произведения они распространяются? Какие люди на тех или иных этапах развития человечества принимали решения: что останется для вечности, а что будет отвергнуто? Как выглядели эти мудрые предвидения? Да очень просто: они на 90 процентов состояли из безапелляционных, односторонних суждений вроде “плохо — хорошо”, “нравится — не нравится”. Бедные студенты-музыковеды до сих пор километрами зубрят эти мнения и передают их дальше, потому что они подписаны знаменитыми фамилиями. Может быть, стоит хотя бы самим разок послушать то, что эти люди отвергли? Давайте, наконец, попробуем выяснить мнение людей, которые именно сейчас, сегодня принимают решения, связанные с тем, каким будет музыкальное наполнение повседневности... И не надо думать, что все эти решения приходят сами, с луны или из воздуха. Они подвержены неким закономерностям. И вот уже у нас есть материал для дискуссии, которая не только учителям касается, а всех. Хотите, я расскажу, какой должна была бы быть в идеале программа “Оркестровая яма”?

— Расскажите.

— Не надо сажать в кадр публику, которая не участвует в разговоре. Не надо приплетать исполнителей, которые, соответственно, будут эту публику развлекать. Думаю, любому телевизионному дизайнеру по силам сделать выгородку в виде реальной оркестровой ямы. И все было бы абсолютно натурально: лампочки, пиюитры, люди перемещающиеся внутри этого пространства, говорят. И говорят о реальности, более или менее связанной с сегодняшним днем. Причем в прямом эфире. Как вы думаете, при нашей жизни такое возможно?

Беседу вела
Анастасия МАШКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ